

Анатолий Собенников

Иркутский государственный университет
Факультет филологии и журналистики
664003 Иркутск
ул. К. Маркса, 1

***История одного города* М. Е. Салтыкова-Щедрина и Михаилу Евграфовичу В. Пьецуха: русская ментальность**

Вячеслав Пьецух свой диалог с классиками назвал плагиатом¹. На самом деле, это определение игровое, в духе постмодернистской эстетики. Речь должна идти, скорее, о стилизации, о художественной памяти и о памяти аксиологической. В диалоге с М. Е. Салтыковым-Щедриным аксиологическая память выступает на первое место. О чем бессмертная сатира нашего классика? В *Истории одного города*, конечно же, в пародийной форме представлена *История государства Российского* Н. М. Карамзина, в гротескной форме представлена сама российская история. Но есть в ней некое смысловое зерно, которое можно обозначить как «русская ментальность».

Название города – Глупов – намекает на иррациональность русской государственности, иррациональность истории России. У Салтыкова-Щедрина иррациональность русской жизни и русской истории проявляется уже в главе *О корени происхождения глуповцев*, в том, как головотяпы «Волгу толком замесили», «в трех соснах заблудились», как «князя искали». Историческая ментальность – в типе власти, во взаимоотношении власти и народа. У Салтыкова-Щедрина в образах градоначальников в сущности представлены архетипы авторитарной власти в русском варианте.

Первое ее качество – бюрократическая механистичность. Органчик знал только два слова: «не потерплю» и «разорю». Второе качество – самодурство, отсутствие справедливости. Третье качество – аморализм. Один из мотивов *Истории одного города* – сластолюбие градоначальников. Микеладзе умер «от истощения сил», Фердыщенко ввел город в разорение из-за Аленки и стрелчихи Домашки. Но больше всех преуспел в амурных делах

¹ В. Пьецух, *Плагиат*, Москва 2006.

Грустилов. Четвертое качество – «административная въедливость», «которая с особенной энергией проявлялась в вопросах, касавшихся выеденного яйца»². Пятое качество – «политическая мечтательность». Бородавкин мечтал «покончить с Византией», сочинял «проекты», вел войны «за просвещение». Русское сознание утопично. Об этом свойстве говорил еще герой романа И. С. Тургенева *Дым* Потугин³. И глуповцы живут мечтами.

У Салтыкова-Щедрина жители «ликовали», узнав о назначении нового градоначальника, явились даже «опасные мечтатели», которые «утверждали, что при новом градоначальнике процветет торговля, и что, под наблюдением квартальных надзирателей, возникнут науки и искусства»⁴. «Политическая мечтательность» вызывает реформаторский зуд, проявляющийся в войнах «за просвещение». В этих войнах сталкиваются «две энергии»: действия и бездействия. А. С. Пушкин писал о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном»⁵. М. Е. Салтыков-Щедрин отметил иную ментальную особенность – «бунт на коленях». В этом гротескном образе узнается один из культурно-исторических мифов – миф о долготерпении русского народа.

Собственно говоря, демифологизация – основной эстетический принцип сатирика. В главе *О корени происхождения глуповцев* пародируется исторический миф о призвании варягов на Русь, в мотиве «начальстволубия» представлен миф о патерналистской форме взаимодействия власти и народа, в византийских мотивах – миф «Москва – третий Рим». В мечтах Бородавкина: «На Драву, Мораву, на дальнюю Саву, на тихий и синий Дунай» угадывается идея панславизма. Но и сама эта идея есть ни что иное как политический миф. В образе Евсеича, в его готовности «пострадать за правду», представлены основные ценностные концепты русского народа – Правда и Справедливость (в сниженном виде, естественно). Вне мифологическое значение, пожалуй, имеет только один мотив – народных бедствий. В главах *Голодный город* и *Соломенный город* история России осмысливается писателем как череда войн, разорений, пожаров, неурожаев.

Сатирический роман Салтыкова-Щедрина завершается образом Угрюм-Бурчеева. Как известно, историческим прототипом этого персонажа был Аракчеев. Однако «смысл сатиры одной исторической параллелью не исчерпывается»⁶. Строительство города Непреклонска можно рассматривать

² См.: М. Е. Салтыков-Щедрин, *История одного города*, [в:] *Собрание сочинений: в 20-ти тт.*, Москва 1969, т. 8, с. 333–334.

³ См.: И. С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти тт.*, т. 7, с. 272 («В наличности ничего нет, и Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле... Но постойте, потерпите: все будет»).

⁴ Там же, с. 280.

⁵ А. С. Пушкин, *Капитанская дочка*, [в:] *Собрание сочинений: в 10-ти тт.*, Москва 2006, т. 6, с. 362.

⁶ В. В. Гиппиус, *Люди и куклы в сатире Салтыкова*, Пермь 1927, с. 19.

в ключе антиутопии. А в картинах его гибели, в образе *оно* проступает библейская символика нечестивого города, библейская мифология⁷.

М. Е. Салтыков-Щедрин жил в эпоху реализма, но его художественный язык не кажется архаичным и в эпоху постмодернизма. Его эстетические принципы (игра, ирония, деконструкция мифа) являются одновременно отличительными особенностями постмодернистской эстетики. Современные исследователи отмечают: «История и в особенности русская история XX века стала объектом художественной игры в произведениях многих авторов постмодернистской ориентации»⁸. Особое место в этом ряду занимает В. Пьецух. «Русская тема» – его идеологический и аксиологический центр. Россия для него – «не страна [...] Она религия»⁹. Поэтому его встреча с классиком была неизбежной.

В сатирическом романе Салтыкова-Щедрина «история прекратила течение свое» в 1825 г. С восстания декабристов начинается повествование автор *Истории города Глухова в новые и новейшие времена и Город Глухов в последние десять лет*. Текст его сатиры – развитие основных мотивов претекста. Современный писатель сохраняет форму, структуру, стиль предшественника. У него тоже есть *Опись* (*Опись градоначальникам, а впоследствии председателям горсовета*), у Салтыкова-Щедрина есть предисловие *От издателя*, у В. Пьецуха – *От изыскателя*.

Преимственность подчеркивается словом повествователя. В предисловии *От издателя* Салтыков-Щедрин говорил о «фантастическом» характере внутреннего содержания Летописца¹⁰. В предисловии *От изыскателя* Пьецух отмечает, что «события эти развивались примерно в том же ключе, что и до 1825 года, то есть по-прежнему там творились разные чудеса»¹¹. У Пьецуха «глуповцы не показались такими головотяпами, какими их описал Салтыков-Щедрин. Чудаковаты они немного – это что есть, то есть, но в остальном средний глуповец мало чем отличается от того же ленинградца или москвича»¹². Как и у классика, у современного писателя есть *Оправдательные документы*. В «чудесах» же глуповской жизни обнаруживается то, что можно счесть ментальными свойствами русского человека.

Автор статьи, посвященной категории национального характера в творчестве В. Пьецуха, замечает:

Автора как раз и интересует то в российской истории, что является общим для всех сменяющих друг друга режимов и не только побуждает усомниться в концепции прогресса (в ее

⁷ См.: А. П. Ауэр, Ю. Н. Борисов, *Поэтика символических и музыкальных образов М. Е. Салтыкова-Щедрина*, Саратов 1988, с. 56–57.

⁸ Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, *Русская литература XX века (1950–1990-е годы)* 5-е издание в 2-х т., Москва 2010, т. 2, с. 478.

⁹ В. Пьецух, *Русская тема*, Москва 2008, с. 38.

¹⁰ Там же, с. 266.

¹¹ Там же, с. 112.

¹² Там же, с. 114.

традиционной трактовке), но и рождает исторический скептицизм. Это – неизменность самого типа взаимоотношений власти и народа, понимание людьми свободы как анархии, специфическое отношение к повседневному систематическому труду, упование на авось¹³.

В тексте современного прозаика есть между тем свой смысловой аксиологический центр: история России рассматривается сквозь призму бедствий. Говоря о природе русского смеха, «смехе сквозь слезы», повествователь замечает: «в большинстве мы устроены таким славным образом, что склонны шутить над тем, над чем пригорюнился бы любой здравомыслящий иноземец, – это, по-видимому, из-за критического, даже запредельного объема несчастий самого разного характера, которые были предназначены нам судьбой, а на запредельную боль организмы отвечают неадекватно»¹⁴. И далее он говорит о том, что «новая и новейшая история города Глупова главным образом составила из невзгод»¹⁵.

Оглавление подтверждает этот тезис (*Невзгоды эпохи единообразия, Невзгоды эпохи бумдекаданса, Невзгоды переходного периода, Невзгоды на производстве, Текущие невзгоды, Общеполитические невзгоды, Невзгоды по хозяйству*). Глава *Невзгоды эпохи единообразия* посвящена деятельности градоначальника Копфа. Задача повествователя – выявить историческую преемственность. Копф похож на Угрюм-Бурчеева стремлением к единообразию, к униформе. «Карл Андреевич взялся отрегулировать быт своих подданных по единому образцу, чтобы, например, они по набату бодрствовали и спали, трудились и прохлаждались» – сообщает повествователь¹⁶. Его деятельность напоминает о планах Угрюм-Бурчеева построить город Непрекклонск.

Повествователь у В. Пьецуха постоянно напоминает читателю о персонажах М. Е. Салтыкова-Щедрина, об основных смысловых мотивах. Так, в главе *Искусственный человек* городом правит «затейливая машина», женолюб Студент Холодных Вод скончался, как и Микеладзе, от истощения сил. Мотив «начальстволюбия» отзовется в главе *Осложнения из-за «эгалитэ»*:

Эта загадочная любовь, надо полагать, объяснялась тем, что во всестороннем административном попечительстве, вне которого у нас немислимо никакое правление, всегда есть что-то скрупулезно вникающее, мелочно оберегающее, то есть нечто трогательно-отеческое, а на отеческую заботу единственно грубое сердце не отзовется ответным чувством¹⁷

– иронизирует рассказчик.

¹³ А. А. Кенько, *Категория русского национального характера в творчестве Вячеслава Пьецуха*, «Проблемы истории, филологии, культуры» 2007, № 18, с. 245.

¹⁴ В. Пьецух, *Русская тема...*, с. 113.

¹⁵ Там же, с. 115–116.

¹⁶ Там же, с. 121.

¹⁷ В. Пьецух, *Русская тема...*, с.128.

Мотив «чудес», иррационального в глуповской жизни также неоднократно возникает на страницах сатиры. В 1861 году глуповцы упорно отказывались от воли, тараканы исчезли, потому что очередной градоначальник приказал «писать на стенах заклинание *Святого великомученика Ареопажита* [...] Глупов испокон веков такой был заклятый город, что пробрать его могли исключительно чудеса»¹⁸, – сообщает повествователь. В городе то и дело происходили «волшебные перемены», даже солнце остановилось «на целых двенадцать дней» по приказу председателя горсовета¹⁹.

У Салтыкова-Щедрина в последней главе речь заходит о судьбах русского либерализма: «Во время его [Микеладзе] управления городом, тридцать три философа были рассеяны по лицу земли»²⁰, кара ожидала и других «либералов» при других градоначальниках. «Но это был все-таки либерализм, а потому и он успеха иметь не мог, ибо уже наступила минута, когда либерализма не требовалось вовсе»²¹. В. Пьецух подхватывает этот мотив. Размышляя о сути российского администратора, повествователь приходит к выводу, что «он с невероятной легкостью перестраивается из либерала в консерватора, а из консерватора в палача»²².

Одна из глав сатиры В. Пьецуха называется *Новые фантастические путешественники*. Название и содержание – не что иное, как парафраз главы *Фантастический путешественник* М. Е. Салтыкова-Щедрина. Классик иронизировал над обычаем верховной власти в Российской империи – «ходить в народ». Как известно, в дороге, путешествуя, умер император Александр I, путешествовал по России будущий царь-освободитель цесаревич Александр. В. Пьецух обыгрывает «хождение в народ» революционеров всех мастей, прежде всего народников.

Следует обратить внимание на интертекст. Глава открывается образом «странного человека в пенсне», который смотрел в небо и говорил: «Какая прекрасная будет жизнь через триста лет»²³. Слова – реминисценция из пьесы А. П. Чехова *Три сестры*, «человек в пенсне», естественно, автор пьесы. Одним из действующих персонажей будет «кулак Печорин», повествователь говорит о том, что «Белинского и Гоголя мужик понес с базара гораздо раньше, чем об этом прознали власти»²⁴, т. е. перед нами реминисценция из Н. А. Некрасова. Есть в тексте и прямые цитаты из *Деревни* А. С. Пушкина, отсылки к роману Ф. М. Достоевского *Преступление и наказание*, роману Л. Н. Толстого *Анна Каренина*, роману Н. Г. Чернышевского *Что делать?*.

¹⁸ Там же, с. 144.

¹⁹ Там же, с. 176.

²⁰ М. Е. Салтыков-Щедрин, *История одного...*, с. 419.

²¹ Там же, с. 420.

²² В. Пьецух, *Русская тема...*, с. 147.

²³ Там же, с. 159.

²⁴ Там же.

Революционный, советский перестроечный и постперестроечный периоды российской истории в изображении современного сатирика ничем не отличаются от «царского» периода. Строительство социализма представлено в гротескном символическом мотиве строительства каланчи. В главе *Шесть комиссаров* отражена борьба за власть в 20-е годы, когда Сталин расправился с оппозицией и стал править единолично. Коммунистическое учение превратилось в учение о Лучезарном Четверге. Происки «масонов» обернулись «проделками цыгано-синдикалистов»²⁵. Тем не менее, многочисленные аллюзии, намеки на исторических деятелей и на исторические события – не главное. Они легко поддаются расшифровке читателем-современником. Главное – выводы, которые делает повествователь.

Итак, какие ментальные свойства он отмечает? Во-первых, «интересы государства и интересы народа у нас не совпадали практически никогда», поэтому глуповцы «подыгрывают властям предержажим»²⁶. Во-вторых, над глуповцами власти издеваются потому, что «есть «нечто» – исполинская покладистость, мудрое спокойствие духа перед лицом стихии; семь шкур с него спускают – ничего, стерпим»²⁷. В третьих, «стоит составить из глуповцев что-нибудь коллективное [...] так сразу такая выйдет гадость»²⁸. И главное: «Вся отечественная история есть история народной борьбы за безвластье»²⁹.

Вспомним, что у Салтыкова-Щедрина Глупов процветал в эпохи, когда им правили градоначальники-сибариты, и приходил в упадок при администраторах. *Город Глупов в последние десять лет* заканчивается *Пятым сном Веры Павловны*. В романе Н. Г. Чернышевского *Что делать?* в четвертом сне героини читатель оказывался в городе будущего, это был сон-утопия. Пятый сон Веры Павловны у Пьецуха – аниутопия. Мотив «последних времен» связывает текст современного сатирика с претекстом. У Салтыкова-Щедрина с появлением *Оно* «история прекратила течение свое», у Пьецуха глуповцы, не выдержав новых социальных экспериментов, убежали в Новую Зеландию. Мотив бегства можно интерпретировать как предсказание новой волны эмиграции в России. Таким образом, современный сатирик, используя методологию предшественника, восстанавливает «связь времен», показывает, что кардинальных перемен не произошло. В России меняются формы правления, но суть остается прежней. М. Е. Салтыков-Щедрин исходил из идеала, он верил в социалистическое будущее России. Поэтому его отрицание имело позитивный смысл. У В. Пьецуха идеала нет, ментальные свойства г. Глупова не позволяют надеяться на иной исход, кроме исхода из города.

²⁵ Там же, с. 295.

²⁶ Там же, с. 266.

²⁷ Там же, с. 267.

²⁸ Там же, с. 268.

²⁹ Там же.

Anatoly Sobennikov

**Mikhail Saltykov-Shchedrin's *The History of a Town*
and *Mikhailu Yevgrafovichu* by Vyacheslav Pyetsukh:
The Russian Mentality**

(Summary)

The article is devoted to Vyacheslav Pyetsukh's reception of Mikhail Saltykov-Shchedrin's satire *The History of a Town*. In *The History of the Town of Glupov in New and Modern Times* and *The Town of Glupov in the Last Ten Years* Pyetsukh develops the motif of irrationality in Russian government and public life. The author also analyzes the semantic and axiological aspects of 'Russian-ness' in Pyetsukh's texts.

Keywords: satire, mentality, game, deconstruction, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Vyacheslav Pyetsukh.

